

**«Служить сбережению народа...»
Интервью с В.А.Москвиным**

В 2015 году Дому русского зарубежья им. А.Солженицына исполняется двадцать лет. Об истории создания Дома, специфике его деятельности рассказывает его сооснователь и бессменный руководитель, кандидат исторических наук Виктор Александрович Москвин.

— Виктор Александрович, как создавалась эта уникальная структура — Дом русского зарубежья?

— К созданию Дома мы шли постепенно. Все началось с выставки парижского эмигрантского издательства «УМСА-Press» в стенах Библиотеки иностранной литературы. Проведение выставки легендарной «Имки» я планировал еще в конце восьмидесятых годов, будучи руководителем выставочного отдела ВГБИЛ. Чуть позже с таким же предложением в «Иностранку» обратилось и руководство издательства «Книжная палата», которое, в свою очередь, поддержало инициативу известного диссидента, историка церкви Льва Регельсона. В сентябре 1990 года выставка состоялась, что было поистине чудом! Представьте себе: горбачевская «оттепель», Крючков во главе КГБ, — и вдруг в Москву прибывает огромная фура, в которой сорок тысяч экземпляров антисоветских книг: Бердяев, отец Сергей Булгаков, Солженицын и другие запрещенные авторы. Нас поддержали Патриарх Алексей II, Д.С.Лихачев, первый зампред Госкомпечати Д.Ф.Мамлеев, взявший на себя смелость подписать разрешение на ввоз книг в СССР, и ряд влиятельных в ту пору общественных и политических деятелей.

«УМСА-Press» представила почти всю ретроспективу своей деятельности (а это более пятисот изданий), дополнив ее документами и фотографиями. Директор издательства Никита Струве выступал с интереснейшими лекциями. Помимо традиционной выставки мы устроили читальный зал и магазин. Продавали книги достаточно дешево, стремясь как можно больше экземпляров распространить по стране, поскольку в то время еще было не понятно, продолжится ли «оттепель» или снова наступит «зима». Тогда же с «УМСА-Press» было подписано два договора: о создании постоянно действующего читального зала на месте Профессорского зала в «Иностранке» и о проведении выставок этого издательства в других городах СССР.

— Через год в результате известных событий и сама страна, и понятие «антисоветской» литературы стали уже историей...

— Да, мы понимали, что в новых условиях нужна серьезная работа как по распространению, так и по сохранению наследия «УМСА-Press». Было принято решение о создании российского филиала — издательства «Русский путь», что и произошло в августе 1991 года. «Русский путь» занимался активной организацией выставок по всей территории России, стран СНГ и Восточной Европы в течение всех девяностых и начала нулевых. В общей сложности мы охватили более восьмидесяти городов, представляя книги русских зарубежных издательств, прежде всего «УМСА-Press». По окончании выставок эти книги передавались в дар городским и областным публичным библиотекам.

— То есть истоки «Русского пути» — это популяризация изданного в эмиграции. С чего

начался «Русский путь» как самостоятельное издательство?

— Первыми изданиями «Русского пути» были две книги: сборник стихов Поля Валери и «Записи» отца Александра Ельчанинова. За двадцать лет издательством выпущено более полутысячи книг, из них большая часть написана авторами русского зарубежья. В 1995 году — и это тоже уникальный случай в истории! — из деятельности издательства возник Дом русского зарубежья. Издательство «Русский путь» стало частью его структуры.

— Это возникновение состоялось на федеральном уровне?

— Нет, в 1995 году вышло постановление правительства города Москвы о создании Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Еще в начале нашей работы стало очевидно, что надо создавать отдельную, достаточно мощную структуру. К тому времени масштаб нашей деятельности был таков, что действовать только в рамках Библиотеки иностранной литературы мы уже не могли. Но как осуществить проект при полном отсутствии денег, в условиях абсолютнейшей разрухи и дикой инфляции? Нужно было искать неординарный выход. Я предложил московским властям преобразовать одну из московских библиотек, самую «никудашную», в библиотеку русского зарубежья с приданием ей статуса самостоятельного юридического лица, что и было сделано. Учредителями библиотеки-фонда стали правительство Москвы, Русский общественный фонд Александра Солженицына, издательство «УМСА-Press». И, конечно, без авторитетной и деятельной поддержки Никиты Струве и Солженицыных этот проект не был бы осуществлен. В июле 1996 года Солженицын передал в фонд коллекцию воспоминаний — знаменитую Мемуарную библиотеку, состоявшую из семисот пятидесяти рукописей. Сейчас мы имеем более двух тысяч мемуаров и других материалов, переданных нам дарителями. Власти помогли нам сделать ремонт, и наш фонд стремительно заполнялся. Нам передавали документы, рукописи из разных стран мира. К концу девяностых годов встал вопрос о строительстве нового здания, и оно было довольно быстро построено на средства городского бюджета. Москва выделила нам двадцать миллионов долларов США! К концу строительства оказалось, что не хватает денег на ограду. Я обратился в Министерство культуры России, но у них и на забор средств не нашлось! Удивительные были времена...

— ...создавшие, тем не менее, единственный в своем роде культурный проект — Дом русского зарубежья...

— Действительно, наш Дом — явление неординарное. Это самое крупное научно-культурное учреждение в России, занимающееся русским зарубежьем. У нас в штате более двухсот человек, в том числе более сорока научных работников, среди которых половина — доктора и кандидаты наук. На собственной киностудии мы сами снимаем документальные фильмы. Наши фонды насчитывают более восьмидесяти тысяч архивных документов, библиотека — почти столько же книг, изданных в зарубежье, музей — более шестнадцати тысяч экспонатов! Мы в контакте с ведущими вузами страны и институтами системы Академии наук, поскольку считаем, что главное — не только собрать и сохранить бесценные материалы, но и ввести их в научно-культурный оборот.

— Приятно, что ДРЗ активно поддерживает ученых из отдаленных регионов страны. Научный интерес к эмигрантской тематике растет...

— Действительно, сейчас русским зарубежьем занимаются повсеместно: в Орле, Саратове, Екатеринбурге, Владивостоке и многих других городах. И это естественно, ведь что такое русское зарубежье? Это тридцать миллионов человек, думающих по-русски, говорящих по-русски, имеющих свои газеты, журналы, радиостанции, снимающих свои фильмы на русском языке! Это — тысячи храмов с приходами, это — монастыри. Вдумайтесь: тридцать миллионов!.. Такой горестно-огромной величины численность наших соотечественников достигла после развала в 1991 году большой России, вернувшего наше Отечество к допетровским рубежам. По сути, за этими рубежами осталась вторая Россия, вторая страна, равная по численности половине Польши или всей Скандинавии. Естественно, что в таком огромном Русском мире много ярких и интересных для ученых-исследователей событий и людей.

— *Раз уж мы перешли «на личности», скажите, пожалуйста: мультикультурность русских людей за рубежом, на ваш взгляд, — это обогащение или неизбежная ассимиляция с потерей, рано или поздно, национальной идентичности?*

— Думаю, и то, и другое. Когда люди оказывались в эмиграции, перед ними возникали два пути: либо ассимиляция, либо сопротивление ей. Самый простой путь — ассимилироваться, и немало людей пошло по этому пути. Можно в разных странах мира встретить людей с русскими фамилиями, но не говорящих по-русски и очень смутно представляющих историю своих предков. И есть люди, которые, наоборот, старались сохранить и передать язык своим детям и внукам. Немало примеров, когда люди в четвертом поколении владеют русским языком. Для них русский язык, история России — одни из главных ценностей в жизни. Это очень тяжело — передать язык детям, когда все вокруг говорят, скажем, только по-французски. Родители брали на себя эту обязанность, этот труд, и там, где они это делали — соответствующий результат. Вот это — истинное культурное обогащение личности, которая свободно владеет несколькими языками и знает культуру не только страны проживания, но и своего Отечества. У таких людей, как показывает практика, и профессиональных возможностей больше.

— *В условиях инокультурного окружения формируются и очень интересные типы личностей. Могли бы вы, исходя из своего опыта общения с соотечественниками, скажем, из дворянской среды, выделить какие-то стереотипы...*

— Русский мир разный и люди разные. Есть действительно цельные, мощные своим духом натуры, которые сохранили в себе все лучшее, что дало им воспитание и блестящее образование. Встречаются — к счастью, в меньшинстве, — и личности «невысокого полета». Знаю и тех, кто сохраняет русский язык и позиционирует себя русскими, однако, по сути своей является американцами или французами. Их инокультурная составляющая звучит громче, чем та, которую они пытались унаследовать.

— *Это ассимиляция духа? Даже не зная языка, можно чувствовать «русскость» в себе, и наоборот...*

— Вероятно, да. Это естественно в условиях, когда в семье формировался один тип поведения, а в университете и на работе — другой. Это очень любопытно, и никто из психологов этим не занимался. Я знаю лишь работы, касающиеся эволюции русского языка в эмиграции. К примеру, мы напечатали книгу австралийского профессора Нонны Райен, в

которой она анализирует язык нескольких поколений русских эмигрантов в Австралии и прослеживает интересную и закономерную тенденцию: русский язык, с одной стороны, обедняется, трансформируется, щедро впитывая английские слова, с другой стороны, сохраняет мощь и красоту языка, сформированного «золотым веком» и «серебряным веком» великой русской культуры.

— Да, очевидно, что подчас только слово «соотечественник» является общим для многих представителей Русского мира. Эмиграция изначально была разносоставной — и по социальному статусу, и по политическим пристрастиям. Как вам удается объединять в одном Доме столь непохожих «домочадцев»?

— Еще на этапе создания мы позиционировали наш Дом как дом для всех соотечественников, независимо от их политических и религиозных взглядов, взглядов их родителей и дедов. Первая волна эмиграции представляла собой практически полный срез русского общества: от последователей традиционного уклада до приверженцев радикальных идей. Поскольку мы ставили задачу сохранить наследие и тех, и других и дать возможность этому наследию стать частью современного русского общества, то изначально объявили: Дом — общий! Дискуссии, безусловно, продолжаются, но их участники понимают и уважают нашу «швейцарскую» позицию.

— Сохранение культурного наследия эмиграции — задача понятная. Как часто соотечественники за рубежом интересуются культурой России советского периода?

— Интересуются больше специалисты в тех или иных областях. Остальное большинство — по-разному.

— ДРЗ привлекает специалистов-соотечественников к участию в работе научных конференций. Перечислите, пожалуйста, несколько наиболее интересных тем...

— У нас прошло более трех десятков научных конференций. В основном, они были связаны с определенными странами, где существовали крупные русские общины (например, в Германии, Чехословакии), или с большими именами (например, конференции «Пушкин в культуре Русского Зарубежья», «Петр Аркадьевич Столыпин и исторический опыт реформ в России...»). Выделить даже несколько тем достаточно сложно — все разные, содержательные, мощные по составу участников. По итогам конференций выпущены сборники, с которыми можно познакомиться в нашей библиотеке.

— Насколько доступны фонды ДРЗ?

— Когда мы создавали нашу библиотеку-фонд, ее название начиналось со слова «общедоступная». Для работы в читальном зале требуется паспорт, для работы с архивными документами — письмо или заявление.

— Безусловно, опыт и ресурсы ДРЗ необходимы в формировании национальной идеи, которое получило мощный импульс в прошедшем 2014 году...

— В свое время на вопрос о национальной идее очень хорошо ответил Солженицын, приведя слова графа Шувалова. На подобный вопрос императрицы Елизаветы создатель Московского

университета ответил: «Сбережение народа». Однако один мой знакомый историк — специалист по Шувалову — говорил, что граф на вопросы матушки-императрицы сразу не отвечал, а задавал их сначала Ломоносову. Думаю, что сбережение народа — ломоносовская идея. И здесь, в стенах Дома, понимаешь, что это — главная идея. Стране, которая занимает одну седьмую часть земного шара, безусловно, нужна продуманная демографическая и экономическая политика. В условиях глобализации, когда границы достаточно размыты, экономики связаны теснейшим образом, и существует единое информационное поле, у Русского мира появляется новый шанс: находясь в разных государствах, можно сохранять очень тесные связи. И это очень важно стратегически, ведь сто сорок миллионов плюс тридцать миллионов — это уже весомый аргумент!

Беседовала Ирина Тишина